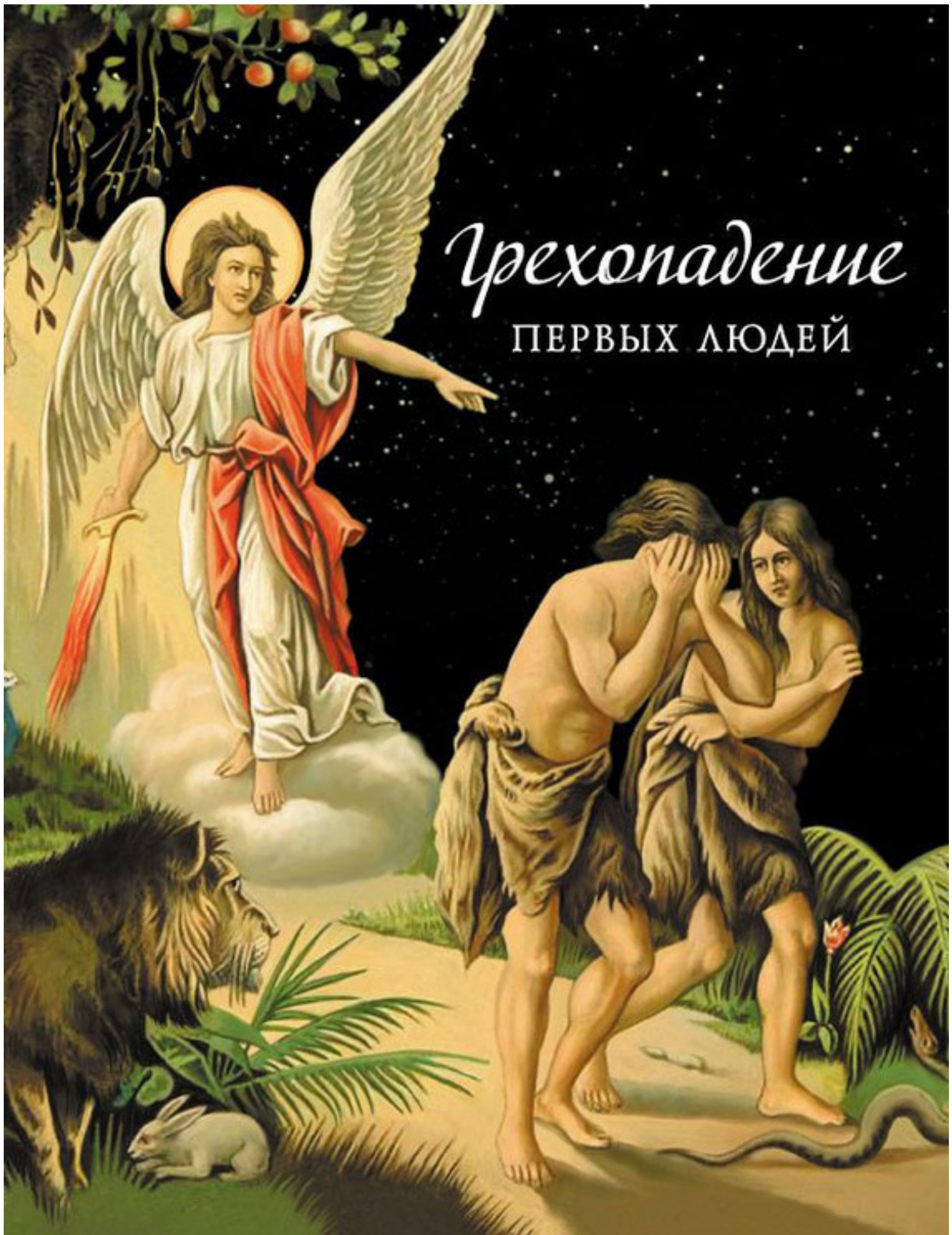

Трехопадение

ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ

Грехопадение первых людей

«Сибирская Благовонница»

2014

Грехопадение первых людей / «Сибирская Благовонница», 2014

Человеколюбивый Господь изгнал наших прародителей из рая, чтобы они, вкушая плоды с дерева жизни, не остались бессмертными в грехах и скорбях. Это совсем не значит, что Бог стал причиной смерти прародителей, – таковой явился грех прародителей. Непослушанием отпали они от Бога Живого и Животворящего и предались греху, источающему яд смерти и заражающему смертью все, к чему он прикоснется.

, 2014

© Сибирская Благовонница, 2014

Содержание

Вместо предисловия	6
История	7
Последствия греха	11
Попечение божие о падшем человеке	19
Использованная литература	31

Грехопадение ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ

Грехопадение первых людей Составитель Н. С. Посадский

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 13-222-1855

Вместо предисловия

При создании человека Творец наделил его тремя величайшими дарами: свободой, разумом и любовью.

Дары эти необходимы для духовного роста и для блаженства человека. Но где свобода, там возможно колебание при выборе, возможен соблазн. Соблазн для разума – возгордиться умом и, значит, вместо познания премудрости и благодати Божией искать познания добра и зла вне Бога; возжелать самому быть «богом». Соблазн для чувства любви – вместо любви к Богу и ближнему любить самого себя и все то, что удовлетворяет низкие желания и дает временные наслаждения. Первый человек не устоял перед этими соблазнами.

Почему произошло падение человека, любимого создания Божия и венца всех тварей земных? На этот вопрос можно ответить так: если бы не допускать человека до падения, то его не надобно было бы и создавать по образу и подобию Божию. Не надо было бы давать ему свободной воли, которая есть неотъемлемая черта образа Божия. Вместо этого – подчинить его закону необходимости подобно бездушным тварям – небу, солнцу, звездам, земному кругу и всем стихиям, или подобно бессловесным животным. Но тогда на земле не было бы царя земных тварей, разумного песнословца Божией благодати, премудрости, творческого всемогущества и промысления; тогда человек не мог бы ничем доказать своей верности и преданности Творцу, своей самоотверженной любви. Тогда не было бы подвигов борьбы, заслуг и нетленных венцов за победу, не было бы блаженства вечного, которое есть награда за верность и преданность Богу и вечное упокоение после трудов и подвигов земного странствования.

Святитель Иоанн Златоуст говорит, что никто не вправе утверждать, будто до падения прародители не различали добра и зла. Они обладали силой ума, превосходящей наши способности. Адаму были известны сокровенные тайны природы, ему был дан дар пророчества.

Чтобы правильно понять смысл Божественного запрета вкушать плоды от древа познания добра и зла, необходимо отметить, что в древнееврейском языке глагол «познавать» означает не чисто внешнее знание, а познание на собственном опыте. То есть Адам обязан был различать зло, но он не должен был на своем опыте познавать зло, не должен был приобщаться к злу через нарушение Божественной воли. Ему следовало познавать только жизнь, истину, добро, источником которых является Бог. Это познание означало единение с Богом.

Пока прародители пребывали в Боге, они устремляли к Нему ум и чувства. Желание же познать нечто вне Бога, стремление познать зло, – означало бы удаление человека от созерцания Бога, отпадение от Него. Святитель Григорий Нисский говорит, что одно стремление познать зло было уже грехом.

История Грехопадения

О грехопадении прародителей Книга Бытия повествует так: *Змий же бе мудрейший всех зверей сущих на земли, ихже сотвори Господь Бог. И рече змий жене: что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго? И рече жена змию: от всякаго древа райскаго ясти будем, от плода же древа, еже есть посреде рая, рече Бог, да не ясте от него, ниже прикоснетесь ему, да не умрете. И рече змий жене: не смертию умрете. Ведяше бо Бог, яко в оньже аще день снесте от него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое. И виде жена, яко добро древо в снедь, и яко угодно очима видети и красно есть, еже разумети, и взялиши от плода его яде, и даде мужу своему с собою, и ядоста* (Быт. 3, 1–6). Повествование Книги Бытия о грехопадении прародителей – не миф, не аллегория, а действительное событие, подтверждаемое, можно сказать, общечеловеческим преданием. Сам бытописатель, несомненно, смотрел на это сказание как на подлинную историю, поместив его в начале своей исторической книги. За подлинную историю принимали повествование о грехопадении прародителей и писатели других библейских книг.

Так, в Книге Премудрости Соломона говорится: *Бог созда человека в неистление, и во образ подобия Своего сотвори его; завистию же диаволею смерть вниде в мир* (Прем. 2, 23–24). *От жены начало греха, и тою умираем вси*, – говорит Иисус, сын Сирахов (Сир. 25, 27). Пророк Иезекииль пользуется общими чертами библейского повествования о райской жизни и падении прародителей, чтобы изобразить величие и падение царя Тира: одно историческое событие освещается другим (см.: Иез. Гл. 28). В Новом Завете библейскому повествованию о падении также придается значение исторической достоверности. Апостол Павел говорит, что *Адам прежде создан бысть, потом же Ева, и Адам не прельстился, жена же прельстившись, в преступлении бысть* (1 Тим. 2, 13–14).

Библейское повествование ясно показывает, что змий был первой, главной, творческой причиной падения наших прародителей и, таким образом, изобретателем, инициатором, творцом греха и зла в видимом мире. Судя по тому, что змий говорит, рассуждает, клеветает на Бога, старается увлечь Еву к злу, можно сказать, что это не обыкновенный змий, но особое существо, разумное. При этом зло только пользовалось змием-животным как орудием искушения. Таким существом был отпавший от Бога ангел – диавол. Не напрасно Христос называл его человекоубийцей искони и отцом лжи (см.: Ин. 8, 44), а апостол Иоанн в Откровении прямо говорит, что *змий великий, змий древний есть диавол и сатана, льстий вселенную всю* (Откр. 12, 9; 20, 2). Апостол Павел, говоря, что *змий Еву прельсти лукавством своим* (2 Кор. 11, 3), под хитростью змия разумел хитрость сатаны, говорившего посредством этого животного.

Происхождение зла и греха – в диаволе; отсюда всякий грех человеческий, не только первый, в сущности своей ведет начало от диавола как творца всех зол; между грешниками и диаволом существует некое таинственное генетическое родство, поэтому боговдохновенный апостол говорит: *Творяй грех от диавола есть, яко исперва диавол согрешает* (1 Ин. 3, 8).

Этой истиной Священного Писания о происхождении и причине греха и зла в мире проникнуто Священное Предание. Подобно тому как зависть диавола по отношению к Богу явилась причиной его падения на небе, так его **зависть** по отношению к человеку как богообразному созданию Божию явилась мотивом пагубного падения первых людей. «Необходимо считать, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – что слова змия принадлежат диаволу, которого к этому оболыщению побудила зависть, а это животное он использовал как подходящее орудие, чтобы, прикрыв приманкой свой обман, прельстить сначала жену, а потом с помощью ее и первозданного». «Диавол завистью отпал от Бога, – пишет святой Ириней, – и поскольку он – падший ангел, то он и может делать только то, что делал в начале: обманывать и увлекать человеческий ум к преступлению заповедей Божиих и постепенно помрачать сердце его». «Зависть диавола, – говорит святой Григорий Нисский, – и рожденная из нее склонность к пороку стали путем к каждому последующему злу. Ибо когда он, отпав от добра, породил в себе зависть и в первый раз сотворил в себе склонность ко злу, он – подобно камню, отвалившемуся от вершины горы и своей собственной тяжестью катящемуся вниз, – разорвав все свои первоначальные связи с добром и скатываясь всей своей тяжестью к пороку, самовольно влекомый к тому, как будто неким бременем, – дошел до крайней границы порочности; и он ту разумную силу, которую получил от Творца для содействия в добре, сделал своим орудием изыскания злобных планов, то он лукаво, с обманом приступает к человеку и подговаривает его, чтобы он своими собственными руками нанес смерть и стал самоубийцей». Нет сомнений в том, что диавол – творец греха, а змей был лишь его орудием – «сатана же, льстивый сосуд змия употребив, снедию прельсти» (Стихира на «Господи, воззвах». Неделя сыропустная.). Однако змий-диавол был только внешней причиной падения первых людей.

Сопричиной падения наших прародителей была их свободная воля. Это видно из библейского повествования. Диавол приступает не к мужу, а к жене, которая больше живет чувствами, чем умом, а поэтому легче прельщается. Он овладевает ее вниманием посредством, казалось бы, безобидного, но таившего в себе ложь вопроса – действительно ли сказал Бог: не

ещьте ни от какого дерева в раю? Тем самым диавол пытается зародить в ней, точнее, передать ей чувство недоверия и неприязни к Богу. В ответе Евы слышится нота недовольства строгостью заповеди, потому что к запрету вкушать с дерева познания она еще добавляет то, что Бог не запрещал: *Ниже прикоснетесь ему, да не умрете* (Быт. 3, 3). Таким образом, Ева допускает ложь и вступает на путь падения.

Услышав сочувствие своей злобе в словах праматери, диавол действует уже наглее и прямо клеветает на Бога, представляя Его лживым и завистливым. Он обещает: *Не смертию умрете... и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое* (Быт. 3, 4, 5).

Человек действительно призван к богоподобию. Но это состояние достижимо только путем единения с Богом, путем взаимодействия свободной человеческой воли и Божественной благодати. Сатана подсказывает более простой способ: он внушает, что плод обладает силой, делающей человека равным Богу.

Приняв внушение искусителя, жена смотрит на дерево как бы другими глазами. *И виде жена, яко добро древо в снедь* (похоть плоти), *и яко угодно очима видети* (похоть очей) *и красно есть, еже разумети* (равное всеведению Бога – гордость) (Быт. 3, 6).

Таким образом, вместо прежних святых мыслей о Боге, наполнявших душу жены, все ее существо прониклось одними чувственными помыслами и пожеланиями, обращенными на запретный плод. Грех богоотступничества уже совершен в душе. Осталось только исполнить свой злой умысел на деле. *...И взявши от плода его яде, и даде мужу своему с собою, и ядоста* (Быт. 3, 6). Адам разделил с женой все греховные помыслы и чувства.

Хотя Ева пала по прельщению сатаны, она пала не потому, что должна была пасть, а потому, что хотела; нарушение заповеди Божией ей предложено, но не навязано. Она поступила по предложению сатаны лишь после того, как предварительно сознательно и добровольно всей душой приняла его предложение, ибо она участвует в этом и душой, и телом: рассматривает плод на дереве, видит, что он хорош для вкушения, что приятно смотреть на него, размышляет о нем и только после этого принимает решение сорвать плод с дерева и вкусить от него. Как поступила Ева, так поступил и Адам. Как змей уговаривал Еву вкусить от запрещенного плода, но не вынуждал ее, потому что не мог, так Ева поступила и с Адамом. Он мог не принять предложенного ему плода, но не сделал этого и добровольно преступил заповедь Божию (см.: Быт. 3, 6-17). «Завистью диавола и прельщением жены человек забыл данную ему заповедь, вкусил горького плода и был побежден грехом» (свт. Григорий Богослов). «Зло началось в змие-диаволе; искушением змеиным побеждена была жена; затем женой побежден муж, и, таким образом, зло получило свое бытие, – пишет святитель Григорий Нисский. – И муж, и жена участвовали в своем падении своей полной свободой, ибо вне свободной воли – нет греха, нет зла». Если бы первые люди не пали добровольно, никто бы не мог их вынудить к падению, ибо диавол только возбуждает на грех, а не принуждает, ибо не имеет силы к тому.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) так объясняет грехопадения прародителей: «Удивительно, с какой легкостью совершилось падение праотцев! Не было ли оно предуготовлено их внутренним расположением? Не оставили ли они в раю созерцание Творца, не предались ли созерцанию твари и своего собственного изыщества? Прекрасно созерцание себя и твари, но в Боге и из Бога; с устранением Бога оно губительно, ведет к превозношению и самомнению». И отсюда печальный результат: «Праотцы, оказав преслушание Богу и склонившись в послушание диаволу, сами себя сделали чуждыми Бога, сами себя сделали рабами диавола».

Но зачем, спрашивают, Бог давал Адаму эту заповедь? Затем, что такая или другая заповедь была необходима первозданному человеку для упражнения и укрепления воли его в добре, и для того, чтобы он мог сам заслужить себе славу и стяжать высшее блаженство. Зачем Бог не воспрепятствовал пасть Адаму и диаволу искушать его, когда предвидел то и другое? Затем, что для этого Ему надлежало стеснить их свободу или даже отнять ее у них, но Бог, однажды даровав свободу каким-либо тварям Своим, не может ни стеснять, ни отнять ее.

Почему не сообщил Бог человеку в самом устройстве его безгрешности, так, чтобы он не мог пасть, хотя и хотел, посреди всех искушений? Потому, рассуждает святитель Василий Великий, что Богу угодно не вынужденное, но совершаемое добровольно. Добродетель же происходит от произволения, а не от необходимости; а произволение зависит от того, что в нас; и что в нас, то свободно. «Посему, кто порицает Творца, что не устроил нас по естеству безгрешными, тот не иное что делает, как предпочитает природе разумной неразумную, природе, одаренной произволением и самодеятельностью, – неподвижную и не имеющую никаких стремлений».

Последствия греха

Грех наших прародителей явился бесконечно значимым и судьбоносным поступком, ибо им нарушено все богоданное отношение человека к Богу и к миру.

Заповедь, данная нашим прародителям, была положительная, а не естественная, то есть они не могли сами собою, по голосу естественного закона, начертанного в их совести, прийти к мысли, что им нельзя вкушать от древа познания добра и зла, и объяснить себе, почему нельзя, а приняв эту заповедь от Бога, они обязывались исполнять ее потому только, что так повелел Господь. Следовательно, по духу своему, она требовала от них безусловного повиновения Богу, она была дана для испытания их послушания. Нарушив ее, они впали в грех неповиновения Богу, а таким образом нарушили в основании весь нравственный закон, который вообще есть не что иное, как воля Божия, и требует от человека только повиновения этой воли. «Пусть никто не думает, – говорят учителя Церкви, – будто грех (первых людей) мал и легкий потому, что состоял во вкушении от древа, и притом не худого и вредного, а только запрещенного, – заповедью требовалось повиновение, – такая добродетель, которая в разумной твари есть как бы мать и блюститель всех добродетелей».

Падением нарушен и отвергнут Богочеловеческий порядок жизни, а принят диаволочеловеческий, ибо своевольным преступлением заповеди Божией первые люди объявили о том, что они желают достигнуть Божественного совершенства, стать «как боги» не с помощью Бога, а с помощью диавола, а это значит – минуя Бога, без Бога, против Бога.

Вся их жизнь до падения заключалась в добровольно-благодатном исполнении воли Божией; в этом состоял весь закон жизни, ибо в этом заключался весь закон Божий в отношении людей. Преступлением заповеди Божией, то есть воли Божией, первые люди преступили закон и вступили в беззаконие, ибо *грех есть беззаконие* (1 Ин. 3, 4). Закон Божий – добро, служение добру, жизнь в добре – заменен законом диавола – злом, служением злу, жизнью во зле. Непослушание Богу проявилось как творение воли диавола, первые люди добровольно отпали от Бога и прилепились к диаволу, ввели себя в грех и грех в себя (ср.: Рим. 5, 19) и тем самым в основе нарушили весь моральный закон Божий, который является не чем иным, как волей Божией, требующей от человека одного – сознательного и добровольного послушания и невынужденной покорности.

Если бы человек принял заповедь в духе сыновней любви, он ответил бы на Божественное повеление полным самоотречением; он добровольно отказался бы не только от запретных плодов, но и от всякого внешнего предмета, чтобы жить только с Богом, чтобы устремляться только к единению с Ним. Божественная заповедь указывала воле человеческой путь, по которому ей надлежало следовать, чтобы достичь обожения, – путь отрешения от всего, что не есть Бог. Воля человеческая избрала путь противоположный: отделившись от Бога, она подчинилась власти диавола. Святитель Григорий Нисский и преподобный Максим Исповедник обращают особое внимание на целевую направленность греха: вместо того, чтобы следовать своей естественной расположенности к Богу, человеческий ум обратился к миру; вместо того, чтобы одухотворять тело, он сам отдался течению животной и чувственной жизни, подчинился материальному.

Простая и легкая заповедь, данная человеку, содержала в себе вкратце весь закон: богопочитание, послушание воле Божией, воздержание.

Поэтому преступление прародителями данной им заповеди было грехом диавольской гордыни, внушившей им разорвать свой союз с Богом, чтобы жить своей независимой жизнью (свт. Иоанн Златоуст), грехом возмутительного неповиновения и противления воле Божией, выраженной в заповеди, а также грехом глубокого принижения своей собственной природы через подавление в душе высших духовных ее стремлений и вовлечение ее в стремления плотские и грубочувственные (прп. Иоанн Дамаскин). Человек добровольно подчинился всем страстям, которые, по апостолу, действуют в мире, – похоти плоти, похоти очес и гордости житейской (см.: 1 Ин. 2, 16).

В действительности грех прародительский означает отвержение человеком определенной Богом цели жизни – уподобления Богу на основе богообразной человеческой души – и замену этого уподоблением диаволу. Ибо грехом люди перенесли центр своей жизни из богообразного естества и реальности во вне-Божью реальность, из бытия в небытие, из жизни в смерть, отринулись от Бога и заблудились в мрачной и беспутной дали фиктивных ценностей и реальностей, так как грех их отбросил далеко от Бога.

«Далече от Бога грех мя отрину», – скорбит православная душа в молитве Ангелу Хранителю (Канон Ангелу Хранителю. Песнь 4). Сотворенные Богом для бессмертия и богоподобного совершенствования люди, по словам святителя Афанасия Великого, «свернули с этого пути, остановились на зле и соединили себя со смертью, ибо преступление заповеди отвратило их к небытию, от жизни к смерти». «Душа через грех отвратилась от себя, от своего богообразия и стала вне себя», и, затворив око, которым она могла взирать на Бога, измыслила себе зло и к нему обратила свою деятельность, воображая, что она нечто делает, но на самом деле она барахтается во тьме и тлении» (свт. Афанасий Великий).

Первоначальный грех потому судьбоноснее и тяжелее, что заповедь Божия была легкой, ясной и определенной. «Что могло быть легче нее? – спрашивает святитель Иоанн Златоуст. – Бог предоставил человеку жить в раю, наслаждаться красотой всего видимого, пользоваться плодами всех деревьев райских, и запретил вкушать только от одного, и человек не захотел даже этого исполнить... Для того-то и говорит Божественное Писание: *Прозябе Бог (в раю) от земли всякое древо красное в видение, и доброе в снедь* (Быт. 2, 9), чтобы мы могли знать, пользуясь каким обилием, человек нарушил, по великому невоздержанию и нерадению, данную ему заповедь».

Побуждениями к исполнению заповеди служили, с одной стороны, величайшие и особенные благодетельства к человеку Творца, Который за все Свои милости требовал от облагодетельствованного человека только одного послушания. С другой стороны – страшные угрозы за нарушение заповеди (см.: Быт. 2, 17). Можно ли придумать побуждения более сильные, и притом к исполнению такой легкой заповеди?

Кроме того, Адам и Ева были еще совершенно чисты и безгрешны, и их ничто изнутри не привлекало ко греху; их духовные силы были свежими, крепкими, полными всемогущей благодати Божией. Если бы они того хотели, то смогли бы незначительным усилием отвергнуть предложение искушителя, утвердиться в добре и навсегда остаться безгрешными, святыми, бессмертными. Все зависело от одной их воли, а сил достало бы с избытком.

На самом деле первоначальный грех в зародыше, семени, содержит все прочие грехи, весь закон вообще, всю его сущность, его метафизику, и генеалогию, и онтологию, и феноменологию. В нем открылась сущность всякого греха вообще, начало греха, природа греха. А сущностью греха, будь то дьявольского или человеческого, является непослушание Богу как Абсолютному Добру и Творцу всего доброго. Причиной этого непослушания является самолюбивая **гордость**. «Гордость – вершина зла, – говорит святитель Иоанн Златоуст. – Для Бога ничто так не отвратительно, как гордость. Поэтому Он еще изначально все так устроил, чтобы истребить в нас эту страсть. Из-за гордости мы стали смертными, живем в скорби и печали; из-за гордости жизнь наша протекает в муках и напряжении, обремененная непрестанным трудом. Первый человек пал в грех от гордости, возжелав быть равным Богу».

В преступлении прародителей заключался грех против всех заповедей Десятословия. Здесь были и гордость, потому что человек восхотел находиться во власти более своей, нежели Божией, и поругание святыни, потому что не поверил Богу, и человекоубийство, потому что подвергнул себя смерти, и любодеяние духовное, потому что непорочность человеческой души нарушена обольщением змия, и татьба, потому что воспользовался запрещенным деревом, и любожестование, что возжелал большего, чем скольким должен был довольствоваться.

Если бы грех первых людей не был матерью всех последующих грехов, если бы он не был бесконечно пагубным и ужасным, он не вызвал бы таких пагубных и ужасных последствий и не побудил бы Всеправедного Судию, – Бога любви и человеколюбия, – так наказать наших прародителей и их потомков.

Итак, исполнение заповеди, данной Богом в раю, выражало и послушание Богу, и доверие словам Божиим, и смирение, и воздержание – сумму простых и естественных добродетелей. Вкушение сразу же повлекло за собой сумму печальных нравственных и физических **следствий**.

После того как человек преступил заповедь Божию, он, по словам преподобного Иоанна Дамаскина, был лишен благодати, потерял доверие у Бога, покрыл себя суровостью мучительной жизни (ибо это означают смоковые листья), облекся в **смертность**, то есть в смертность и грубость тела (ибо это означает облечение в кожи), по праведному Суду Божию был изгнан из рая, осужден на смерть и стал подверженным тлению. Преступив заповедь Божию, Адам умом отвратился от Бога и обратился к твари, из бесстрастного стал страстным и любовь свою

от Бога обратил к твари и тлению. Другими словами, последствием наших прародителей была греховная испорченность их естества и, через это и в этом, – смертность естества.

Таким образом, своевольным и самолюбивым падением в грех человек лишил себя того непосредственного благодатного общения с Богом, которое укрепляло его душу на пути богоподобного совершенствования. Этим человек сам осудил себя на двоякую смерть – на телесную и духовную: **телесную**, наступающую, когда тело лишается оживляющей его души, и **духовную**, наступающую, когда душа лишается благодати Божией, оживляющей ее высшей духовной жизнью. «Подобно тому как тело тогда умирает, когда его душа оставляет без своей силы, так и душа тогда умирает, когда ее Дух Святой оставляет без Своей силы» (свт. Иоанн Златоуст). Смерть тела отличается от смерти души, ибо тело после смерти распадается, а когда душа умирает от греха, она не распадается, а лишается духовного света, богоустремленности, радости и блаженства и остается в состоянии мрака, печали и страданий.

Грех – это разорение души своего рода, распадение души, растрепывание души, ибо он душу расстраивает, извращает, уродует ее богоданный жизненный строй, делает невозможным достижение поставленной ей Богом цели и, таким образом, делает смертными и ее, и ее тело. Поэтому святой Григорий Богослов по праву говорит: «Существует одна смерть – грех; ибо грех есть разорение души».

Грех, однажды войдя в душу, заразил ее, соединил со смертью, вследствие чего духовная смертность называется греховной испорченностью. Как только грех, жало смерти (см.: 1 Кор. 15, 56), вонзился в человеческую душу, он немедленно проник и разлил по ней яд смерти. И насколько яд смерти распространялся в человеческом естестве, настолько человек удалялся от Бога, Который является жизнью и Источником любой жизни, и погрязал в смерти. Адам как согрешил из-за дурного пожелания, так и умер из-за греха: *Оброцы бо греха смерть* (Рим. 6, 23); насколько удалился от жизни, настолько приблизился смерти, ибо Бог – жизнь, а лишение жизни – смерть, поэтому Адам сам себе приготовил смерть удалением от Бога, по слову Священного Писания: *Яко се удаляющий себе от Тебе, погибнут* (Пс. 72, 27).

В человеке проявились признаки духовной смерти. Нарушив заповедь, человек должен был испытать действие Божественного приговора: *в онъже аще день... смертию умрете* (Быт. 2, 17). Телесная смерть – разлучение души и тела – для Адама последовала через 930 лет, но духовная смерть – разлучение души с Богом – осуществилась немедленно.

«Но хотя Адам и Ева прожили много лет после вкушения от плода с дерева познания добра и зла, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – это не значит, что не исполнились слова Божии: *В онъже аще день снесете от него, смертию умрете*. Ибо с того момента, когда они услышали: *Земля еси и в землю отыдеши*, – они получили смертный приговор и, можно сказать, умерли».

«В действительности, – рассуждает святитель Григорий Нисский, – душа наших прародителей умерла прежде тела, ибо непослушание – это грех не тела, а воли, а воля свойственна душе, от которой и началось все опустошение нашего естества. Грех – это не что иное, как удаление от Бога, Который истинен и Который только и является Жизнью... Ибо самым удалением человека от истинной жизни смертный приговор против него был подтвержден в тот же день».

Человек лишился благодати, и первое, что он увидел, – это то, что он наг, а первое, что ощутил, – стыд. *И отверзошася очи обема, и разумеша, яко нази беша, и сиихъ листов смоковное, и сотвориша себе препоясания* (Быт. 3, 7). Конечно, они не были слепы, но Божественная благодать, озарявшая их тела, скрывала от их очей наготу, поэтому никакие плотские помыслы не оскверняли ум прародителей. Теперь же человеческий ум, по словам святителя Григория Нисского, как опрокинутое зеркало, вместо того, чтобы отражать Бога, принимает образ бесформенной материи. Страсти потрясают первоначальное иерархическое строение человеческого существа.

Пагубное и опустошительное изменение, наступившее после греха во всей духовной жизни прародителей, охватило все силы души и отразилось на них в своей богоборческой отвратительности. Греховная поврежденность духовного человеческого естества проявилась прежде всего в помрачении **разума** – ока души. Разум через грехопадение утратил прежнюю мудрость, проницательность, прозорливость, размах и богоустремленность; в нем помрачилось и само сознание о вездесущии Божиим, что очевидно из попытки падших прародителей сокрыться от Всевидящего и Всеведущего Бога (см.: Быт. 3, 8) и ложно представить свое участие в грехе (см.: Быт. 3, 12–13). «Нет ничего хуже греха, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – придя, он не только исполняет стыдом, но и делает безумными тех, которые были разумными и которые отличались великой мудростью. Посмотри, до какого безумия дошел сейчас тот, который до сих пор отличался такой мудростью!.. *Услышав глас Господа Бога ходяща в раи по полудни*, он вместе с женой сокрылся от лица Господа Бога *посреде древа райского* (Быт. 3, 8). Какое безумие желать сокрыться от Бога Вездесущего, от Творца, сотворившего все из ничего, ведающего сокровенная, создавшего сердца человеческие, знающего все их дела, испытующего сердца и утробы и ведущего самые движения их сердца!»

Грехом **ум** (разум) наших прародителей отвратился от Творца и обратился к твари. Из богоцентричного стал эгоцентричным, отдался греховным помыслам, и им овладели эгоизм (самолюбие) и гордость. «Преступив заповедь Божию, человек пал в греховные помыслы, не потому, что Бог сотворил эти порабащивающие его помыслы, а потому, что их диавол лукавством посеял в разумное человеческое естество, ставшее преступным и отверженным от Бога, так что диавол установил в человеческом естестве закон греха, и смерть царствует через дело греха» (свт. Афанасий Великий). Значит, грех действует на разум, и последний рождает и производит из себя мысли греховные, злые, злосмрадные, тленные, смертные, и содержит человеческую мысль в кругу смертного, преходящего, временного, не давая ей погрузиться в Божественное бессмертие, вечность.

Грехом повреждена, расслаблена и испорчена воля наших прародителей; она утратила свой первобытный свет, боголюбие и богонаправленность, стала злой и грехолюбивой и потому более склонной ко злу, а не к добру. Сразу же по падении у наших прародителей появляется и обнаруживается склонность ко лжи: Ева сваливает вину на змея, Адам – на Еву и даже на Бога, Который ему ее дал. Преступлением заповеди Божией грех завладел душой человеческой и диавол основал в ней закон греха и смерти, и таким образом, она своими желаниями обращается большей частью в кругу греховного и смертного.

Воля человека ожесточается во грехе: вместо покаяния прародители избирают лукавое самооправдание и обнаруживают враждебность по отношению к Богу. Их воля утратила святость, приобрела удобопреклонность ко злу, так как в ней утвердился закон греха. «Бог Благ и Преблаг, – учит преподобный Иоанн Дамаскин, – такова и воля Его, ибо то, чего Он желает, есть благо; заповедь же, учащая этому, есть закон, чтобы люди, соблюдая его, были во свете; а нарушение заповеди есть грех; грех происходит от побуждения, наущения, подстрекания диавола и невынужденного и добровольного принятия человеком этого диавольского внушения».

Чувства омрачились, и это сказалось на том, что вместо сыновней любви к Богу они испытали перед Ним рабский страх. Вместо взаимной любви они ощутили сначала похоть, то есть увидели друг в друге предмет эгоистического удовольствия, испытали стыд, а затем вражду друг к другу – Адам во всем обвиняет Еву и Бога. Так грех разделяет не только человека и Бога, но и людей между собой.

Сердце утратило свою первобытную чистоту и непорочность, предалось неразумным стремлениям и страстным желаниям. Так, у наших прародителей ослепло око, которым они взирали на Бога, ибо грех пал на сердце, которое зрит Бога только тогда, когда оно чисто и свято (см.: Мф. 5, 8).

Помрачение ума, воли и чувств прародителей – это были признаки духовной смерти, которой человек подвергся в результате грехопадения. Духовная смерть не была актом мести со стороны Творца, но она стала естественным следствием отделения человека от Бога. Дьявол первый отверг Бога, и потому первый испытал такую смерть. По его коварному совету и человек впал в непослушание и сделался участником в утрате жизни. «Чем дальше человек уходит от жизни, – говорит святитель Василий Великий, – тем ближе он к смерти». Но жизнь – это Сам Бог, и отвержение жизни – смерть. Бог не создавал смерти ни для души, ни для тела. Он не сказал: «Умри в тот день, когда вкусишь от древа познания добра и зла!» – но: «Ты умрешь в тот день, когда вкусишь от него». Не сказал Он также: «Возвратись в прах!» – но: «Ты вернешься в землю». Он предсказывал и предупреждал, но не запрещал того, что должно было произойти.

Смерть, таким образом, – плод греха и существует в мире вопреки воле Божией. Грех является жалом смерти, и через смерть он царствует в мире.

Духовная смерть привела к расстройству всей природы человека. Все силы души его получили неподобающее направление, наклонились к злу, к страстям. Ум забыл свое истинное питание, ведение духовное и прилепился к чувствам, вместе с чем подпал духовной слепоте, страсти неведения Бога и вещей Божественных, способность созерцать Божественное, видеть духовную истину, таинственно воспарять к Богу. Разум потерял силу нравственного руководства над неразумными силами души – чувственным желанием и раздражительностью – и подчинился их беспорядочным движениям, побуждавшим человека стремиться только к удовольствию и избегать страданий. Выйдя из-под контроля разума, неразумные силы души превратились в «неестественные» страсти (это термин преподобного Максима Исповедника, отличающего от «естественных страстей» – голода, жажды, усталости и т. п., которые также усвоились природе человека после грехопадения, но в отличие от первых являются «безуко-ризненными», то есть негреховными). Сила хотения стала страстью плотоугодия, а сила раздражительности – страстью насильничества, побуждающей к борьбе за мирские блага, средства услаждения и выражающейся в ненависти ко всему, что препятствует удовольствию и причиняет страдание.

Человек впал во власть плотского самолюбия. Заблуждение в истине и привязанность к чувствам, страстная любовь или ненависть к чему-либо чувственному наполнили его жизнь и составили в нем закон плоти, закон животной жизни, подчиненной плотскому мудрованию. Таким образом, душа человека в основном подчинилась телу и его потребностям. Неразумная плоть стала управлять разумом, а разум стал жить пожеланиями плоти. Человек из духовного сделался плотским. Если дух человека должен был жить Богом, душа – духом, тело – душой, то теперь вся прежняя иерархия перевернулась в человеке, ранее открытом для благодати и изливавшем ее в мир.

Греховные наклонности заняли в человеке господствующее положение, он стал «рабом греха» (см.: Рим. 6, 6). В глубине побуждений к жизненной деятельности человека оказались **похоть и гордость**. О них читаем: *Не любите мира, ни яже в мире... яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть* (1 Ин. 2, 15–16). Похоть плотская – ослабление власти духа над телом, подчинение низшим, плотским желаниям; похоть очей – ложные кумиры и привязанности, жадность и алчность мирская, зависть; гордость – самомнение, эгоизм, превозношение, самолюбие, тщеславие.

Проявились **физические следствия грехопадения**. Вследствие тесной и непосредственной связи души с телом грех произвел расстройство и в теле человека. Последствиями грехопадения для тела были тяжелый труд, болезни, страдания и смерть.

Эти физические следствия грехопадения вполне оправданны в нравственном аспекте. Грех подлежит наказанию. Физические бедствия, будучи следствиями греха, являются одновременно и Божиими наказаниями, как это выражено в словах Божиих к прародителям при

изгнании их из рая. Ясно, что эти наказания даны как средство удержать человека от дальнейшего и окончательного падения.

Жене, как соблазвившей мужа, выносится приговор: *Умножая умножу печали твоя и вздыхания твоя; в болезнях родиши чада, и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет* (Быт. 3, 16). С этих пор чадородие в человеческом роде всегда соединено не только с сильнейшими страданиями для рождающей, но часто с угрозой для ее жизни.

Адаму же, совиновнику грехопадения, Бог изрекает такое наказание: *Проклята земля в делех твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего; терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву селную. В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратиши в землю, от неяже взят еси, яко земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3, 17–19).

Человеколюбивый Господь наказывает человека проклятием земли.

Земля была создана для человека, чтобы он наслаждался ее плодами, но Бог, после того как человек согрешил, изрекает на нее проклятие, чтобы это проклятие лишило человека мира, спокойствия и благосостояния, создавая ему скорби и муки при обработке земли.

О значении трудов и болезней павшего человека святитель Кирилл Александрийский говорит, что человек, «получив в удел себе изнурительный пост и скорби, был предан как бы некоторой узде, болезням, злостраданиям и другим горестям жизни. За то, что не удержался благоразумно в свободной от трудов и печалей жизни, он предается злополучиям, дабы страданиями уврачевал в себе болезнь, постигшую его среди блаженства».

Так же рассуждает этот святой отец и о смерти. «Смертью Законодатель останавливает распространение греха и в самом наказании являет человеколюбие. Поскольку Он, давая заповедь, с преступлением ее соединил смерть, и поскольку преступник подпал сему наказанию, то и устрояет так, что самое наказание служит ко спасению. Ибо смерть разрушает эту животную нашу природу и, таким образом, с одной стороны, останавливает действия зла, а с другой, – избавляет человека от болезней, освобождает от трудов, прекращает его скорби и заботы и оканчивает страдания телесные. Таким-то человеколюбием растворил Судия самое наказание».

«Из греха, как из источника, излились на человека болезни, скорби, страдания», – говорит святой Феофил. Грехопадением тело потеряло свое первобытное здоровье, невинность и бессмертие и стало болезненным, порочным и смертным. До греха оно пребывало в совершенной гармонии с душой; эта гармония после греха нарушилась, и наступила война тела с душой. Как неминуемое последствие первоначального греха явились немощи и тления, потому что Бог удалил прародителей от дерева жизни, плодами которого они могли бы поддерживать бессмертие своего тела (см.: Быт. 3, 22), а это значит – бессмертие со всеми болезнями, скорбями и страданиями.

Человеколюбивый Господь изгнал наших прародителей из рая, чтобы они, вкушая плоды с дерева жизни, не остались бессмертными в грехах и скорбях. Это не значит, что Бог был причиной смерти прародителей. Причиной явился грех прародителей. Непослушанием отпали они от Бога Живого и Животворящего и предались греху, источающему яд смерти и заражающему смертью все, к чему он прикоснется. Грехом смертность перенесена на естество, сотворенное для бессмертия; она покрывает его внешность, а не внутренность, охватывает вещественную часть человека, но не касается самого образа Божия.

Изгнание из рая означало потерю Царства Божия. В Адаме все человечество лишилось будущего блаженства, предстоявшего пред ним, того блаженства, которого Адам и Ева отчасти вкусили в раю. Вместо того чтобы видеть впереди жизнь вечную, человечество увидело смерть и за ней ад, мрак, отверженность от Бога. Такое положение облегчалось только надеждой на будущее избавление через пришествие Спасителя.

Грехом наши прародители нарушили свое богоданное отношение к видимой природе. Сотворенная для человека, возглавленная человеком в качестве его таинственного тела, благо-

словенная ради человека, земля со всеми тварями стала проклятой из-за человека и подчиненной тлению и разрушению, вследствие чего *вся тварь... стонает и мучится* (Рим. 8, 19–22).

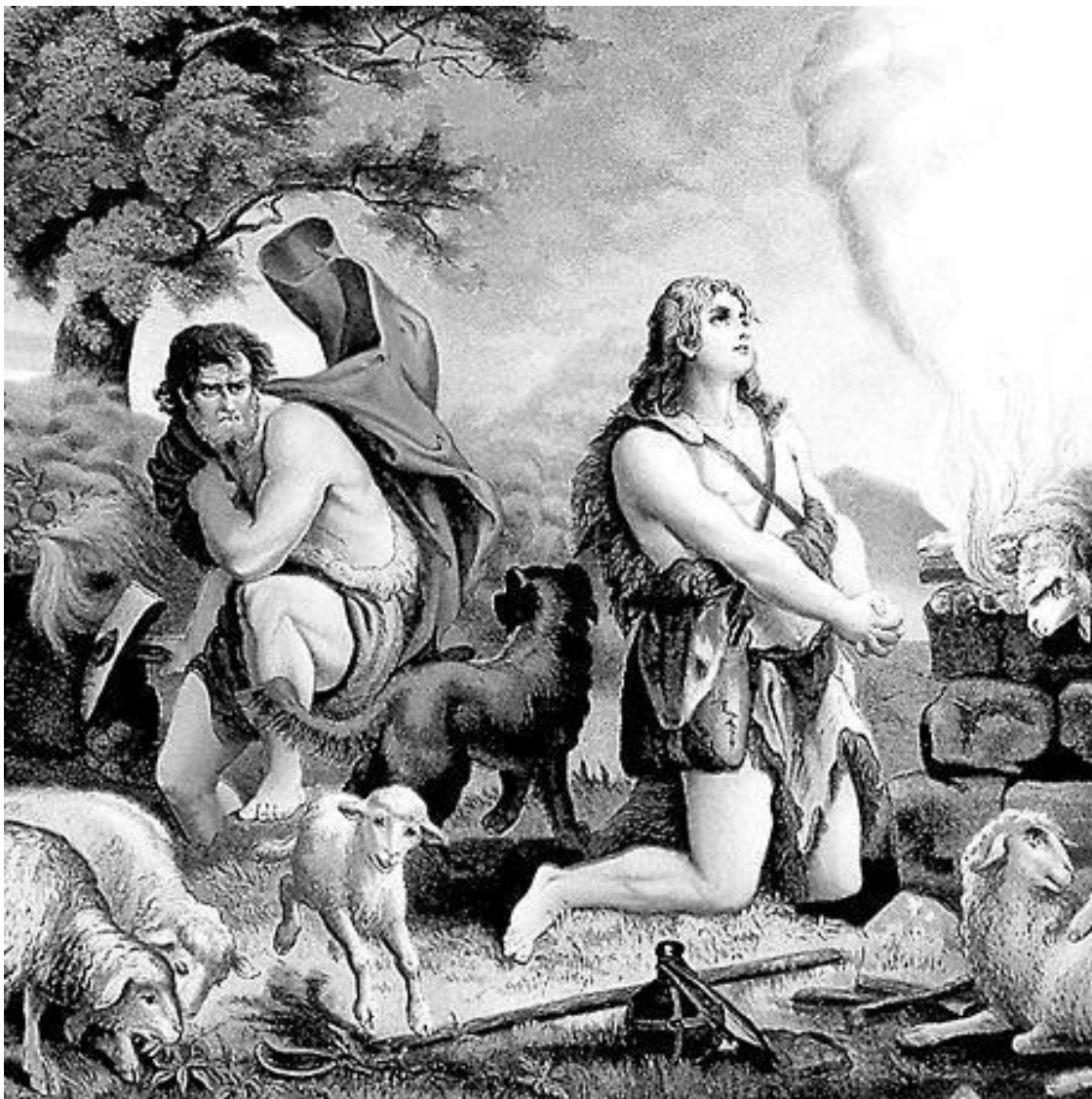
По воле человека зло становится силой, заражающей тварь. Грех внедряется туда, где должна была царствовать благодать. В определенном смысле через грех Адама сатана как бы похищает у Бога мир, получает власть над миром и становится князем мира сего. Промысл Божий попускает диаволу проявить свою злобу в мире.

Изменилась и окружающая человека природа. Если вначале человек царствовал над миром, то теперь природа стала враждебна по отношению к человеку. Земля утратила прежнюю силу плодородия и стала произращать терния и сорные травы. Если раньше труд на земле не утомлял человека, то теперь он должен был трудиться в поте лица, чтобы добыть себе пропитание. В природе начали действовать губительные стихии, наносящие ущерб, иногда сводящие на нет человеческий труд, вложенный в обработку земли. Человек стал страдать от перемен климата, от жары и холода.

Животные перестали узнавать в человеке своего владыку. Среди них появились хищники, опасные для человека. И сам человек огрубел, он вынужден был убивать животных, чтобы получить необходимый материал для одежды и своего жилища. Отношения человека и окружающего мира меняются. Человек становится уже не хозяином, а в основном потребителем, тираном природы. Наконец, смерть в страстях и страданиях завершает постепенное тление человека. Избравший прах вместо Бога возвращается в прах.

Так зло потрясает весь космос, и этот процесс развивается, идет необратимо. Для восстановления прежней гармонии мир нуждается в огненном очищении. Существующие ныне стихии неба и земли сгорят в очистительном огне Второго Пришествия, после чего будет новое небо и новая земля, *в нихже правда живет* (2 Пет. 3, 13).

Попечение божие о падшем человеке

«Кожанные ризы». Согласно Библии, после падения первых людей, Бог из сострадания к ним *сотвори... ризы кожаные и облечи их* (Быт. 3, 21).

Что же понимают отцы под «кожанными ризами»? Если говорить в общем, то – смертность, которую после падения воспринял человек как вторую свою природу. Мефодий Олимпийский, например, говорит: «Бог сделал кожаные одежды для этой цели, как бы одевая человека в смертность». В элементы («стихии») тела человека введено было противоборство, и в силу того оно стало грубым и тленным, подверженным страданиям и смерти.

Такое изменение природы человека было праведным возмездием за грех. Первозданный человек оставил божественную пищу, которая соответствовала его природе, и для того, чтобы достичь независимости от Бога, избрал в качестве пищи плод запретного дерева, несмотря на то, что он хорошо знал, что это был плод смерти, то есть плод постоянного изменения, текучести. Тем самым, в соответствии с плодом, который он избрал, он такой же соделал свою жизнь – подверженной разложению; можно сказать, что Адам предал всю нашу природу в пищу смерти.

Таким образом, после грехопадения «жизнь» переродилась в «выживание»; подлинной реальностью бытия стала смерть, а жизнь продолжалась лишь постольку, поскольку откладывалась смерть. Эта смертность, то есть «жизнь в смерти», ощущаемая как непрочность, текучесть и, более того, как бессмысленность существования, и является преимущественным признаком «кожаных риз».

Облечение в «кожаные ризы» – это утрата богоподобного достоинства своей природы. При сотворении человеческое тело было открыто для ангельских сил и для Бога, легко вступало в общение с ними. В то время, пишет святитель Григорий Нисский, единый хор разумной природы, ангельской и человеческой, «созерцал единого Главу хора и пел в гармонии с Главой». Но грех «разрушил эту вдохновенную гармонию хора»; увлекшись обольщением змия, человек пал и смешался с грязью. Облеченный теперь в грубую плоть, человек не мог уже свободно общаться с Богом и Ангелами; «кожаные ризы» стали завесой, отделяющей его от мира невидимого. Напротив, новая реальность для человека – это жизнь чисто биологическая, жизнь неразумных существ. По словам святителя Григория Нисского, теплокровные животные руководствуются своими чувствами, умножаются размножением в результате их привязанности (стремления) к удовольствию. Трусость спасает слабых, свирепость – тех, которые сильнее других. Эти черты и другие, подобные им, «через скотоподобный образ рождения вошли в состав человеческого естества», свойства неразумной природы соединились с человеком.

Святитель Григорий Нисский такими словами характеризует новое, «нижеестественное» состояние человеческой природы: «Это то, что человек воспринял в дополнение с неразумной кожей: половой союз, зачатие, рождение, осквернение, питание грудью, а затем пищей и выбрасывание ее из тела, постепенное возрастание, взрослую жизнь, старость, болезнь и смерть».

Преподобный Максим Исповедник обращает внимание еще на один признак «кожаных риз». Биологическое, скотоподобное существование человека сопряжено для него со страданием. Голод, жажда, усталость, действие стихий, болезни – все эти «естественные страсти» стали составлять как бы новый природный закон для человека. Этот закон установлен Божественной справедливостью и действует в полном согласии с ней: страдание является расплатой за удовольствие, доставляемое грехом. Чем больше ищет человек удовольствия, тем сильнее испытывает страдание. Впрочем, в условиях падшего мира страдание скрыто под приманкой удовольствия, так что по причине грубости плоти человек легко ловится на эту приманку. Думая избежать страданий и получить удовольствие, он лишь увеличивает свои страдания. Преподобный Максим говорит о «лукавых узах естества», которые накрепко связывают человека приманками удовольствий. Эта обольстительность греха, его неприметность и кажущаяся безобидность и составляют еще один признак «кожаных риз».

Следует подчеркнуть, что понятие «кожаные ризы» относится не только к телу, но и к душе человека. Сами по себе немощи естества не являются грехом, это «неукоризненные страсти», которые по праведному Суду Божию служат лишь наказанием за грех. Однако в условиях грубости и тленности плоти «естественные страсти» служат источником «неестественных», то есть греховных страстей. Так, забота о здоровье и благосостоянии тела побуждает к чревоугодию и сребролюбию, невосприятие духовного мира неизбежно приводит к забвению о Боге, к тщеславию и т. п. Получается, что «кожаные ризы» – это **не только огрубевшее тело, но и душа, подверженная страстям**. Как Библия, так и святые отцы отмечают, что после грехопадения весь человек, и душой, и телом, стал «плотским». Святитель Иоанн Златоуст, комментируя текст апостола Павла: *Сущие же во плоти Богу угодити не могут* (Рим. 8, 8), – пишет: «Он говорит “плоть”, а не “тело” или тела, (имея в виду) жизнь плотскую, или мирскую, полную самооправдания и распутства, которая делает всего человека плотью».

Святитель Григорий Нисский отмечает, что не только тело, но и душевные страсти образуют «покрывало сердца... плотское покрывало ветхого человека». Когда он говорит «плоть», он определяет тем самым ветхого человека, которого апостол повелевает совлечься и отложить

прочь (см.: 1 Кор. 2, 14; 3, 3; Еф. 4, 22), то есть человека, которого апостол именует «плотским» или «естественным» в противоположность «духовному». По краткой формулировке святителя Григория, «кожаные одежды» есть «плотская воля».

Облечение в «кожаные ризы», то есть в смертную, подверженную разложению природу, – закономерный результат грехопадения. Однако в Книге Бытия говорится, что Сам Бог облакает человека в эти одежды. Из этого, конечно, не следует, что Бог создает смерть и тление. Бог не является Творцом зла. Напротив, Он – единственный, Кто может обращать зло в добро. И Он всегда действует по любви. Как пишет преподобный Максим Исповедник, «Бог действует по любви даже по отношению к тем, кто стал злым, совершая дело нашего исправления». И Он использует сложившуюся ситуацию на пользу согрешившему человеку. Это как бы вторая сторона «кожаных риз» – в ней прослеживается действие не только правосудия, но и любви и попечения Божия о падших прародителях.

Позволяя существовать смерти, Бог обращает ее против тления, приводящего к смерти, и устанавливает предел как для тления, так и для греха. Так Бог ограничивает зло и делает падение небезнадежным. Его первоначальный план о вечной и блаженной жизни человека остается неизменным. Комментируя эту тайну беспредельного Божественного сострадания, святитель Григорий Богослов говорит, что Бог попускает существовать смерти, «чтобы зло не стало бессмертным».

Облечение в грубую плоть, как уже сказано, лишило человека возможности общаться с духовным миром, сильно ослабило в нем способность к духовному ведению.

Облечение в биологическую жизнь имело большое педагогическое значение. Человек согрешил по беспечности, не ценя своего богоподобного достоинства, и теперь «кожаные ризы» немощной, подверженной страданиям плоти должны были воспитать в нем смирение. «Ты будешь переносить тяжкий труд и заботу, – говорит святитель Иоанн Златоуст от лица Бога, – и в печали проводить всю жизнь, чтобы это было для тебя уздой, чтобы ты не мечтал о себе выше своего достоинства, но постоянно помнил бы о своей природе и впредь никогда не допустил себя до подобного обольщения».

«Новый естественный закон», по которому за греховным удовольствием непременно следовало страдание, должен был положить предел греховному направлению воли человека. Как непослушного ребенка приучают к послушанию с помощью телесных наказаний, так и падшего человека только страх испытать страдание мог отвратить от греховного стремления к удовольствиям.

О браке. Отцы Церкви ясно и единодушно учат, что до грехопадения брака не было в том виде, как мы понимаем его теперь. Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Будучи сотворен, Адам пребывал в раю, и там не было речи о браке. Он нуждался в помощнике, и он был ему дан. Но тогда даже и не было нужды в браке... Желание полового общения, зачатие, муки чадородия и любая форма тления были чужды их душам». Этот текст почти дословно совпадает с учением святителя Григория Нисского о том, что половой союз, зачатие, рождение и т. д. – это аспекты «кожаных риз», которые даны были человеку после падения. Что в точности означали слова Адама: *Прилепится к жене своей, и будут два одна плоть* (Быт. 2, 24) – применительно к состоянию до падения, к какой форме союза это вело, мы не знаем, так как мы не знаем в точности, каково было тело человека до падения.

Тело существовало, муж и жена существовали отдельно, каждый со своими психофизиологическими особенностями. Однако святители Иоанн Златоуст и Григорий Нисский не сомневаются в том, что они не были подчинены телесным нуждам; «они жили, как Ангелы, не сгорая от пожеланий (плоти) и не тревожась другими страстями». По этой причине мы не знаем, как должны были плодиться и размножаться (см.: Быт. 1, 28) люди до грехопадения. Преподобный Максим Исповедник говорит очень обще о «духовном размножении» человеческого рода.

Итак, брак в том виде, в каком мы его знаем теперь, появился лишь после грехопадения. Страстное рождение от семени по образу животных стало неотъемлемой частью той биологической, скотоподобной жизни, на которую был осужден человек. Сила этого осуждения была в особенности велика. Вместе с зачатием, соединенным с чувственным удовольствием, передавался и грех произволения, и немощь естества. Рождение стало каналом, который приобщал человека с самого начала его бытия к потоку греховной жизни. Поэтому оно является синонимом первородного греха.

Состояние падшего человека было, таким образом, весьма печальным и тем более ужасным, что было совершенно безысходным. Жизнь человека начиналась несправедливым удовольствием зачатия, этим зачатком развития страстей, и кончалась заслуженной смертью. Однако и эту, казалось бы, безнадежную реальность, созданную грехом, Бог использовал в целях Своего Всеблаготворительного Промысла. Благодаря браку, человек не только сохранил способность к биологическому выживанию, он не только получил утешение иметь потомство, которое само по себе преодолевает болезни чадородия (см.: Ин. 16, 21), но, самое главное, – падшему человеку сразу по грехопадении было обещано, что из его потомства произойдет Спаситель, Который разорвет этот порочный круг греховной жизни (см.: Быт. 3, 15).

Образ Божий сохранился в человеке. Нарушение, помрачение, искажение, ослабление, которые первородный грех вызвал в духовном естестве человека, можно кратко назвать нарушением, повреждением, помрачением, обезображиванием образа Божия в человеке. «Человек сотворен по образу Божию и по подобию, – говорит святитель Василий Великий, – но грех изуродовал красоту образа, вовлекая душу в страстные желания».

По учению святителя Иоанна Златоуста, до тех пор, пока «Адам еще не согрешил, но образ свой, созданный по образу Божию, хранил чистым, ему звери покорялись как слуги, а образ свой загрязнил грехом, звери не узнали в нем господина своего и из слуг превратились в его врагов, стали воевать против него, как против чужеземца». «Когда в человеческую жизнь вошел грех как навык, – пишет святитель Григорий Нисский, – и от малого начала произошло необъятное зло в человеке, и богообразная красота души, созданная по подобию Первообразной, покрылась, как некое железо, ржавчиной греха, тогда уже не могла более полностью сохраниться красота естественного образа души, но она изменилась в отвратительный образ греха. Так человек, великое и драгоценное творение, лишил себя своего достоинства, пав в грязь греха, потерял образ нетленного Бога и через грех облекся в образ тления и праха, подобно тем, которые по неосторожности упали в грязь и измазали лицо свое, так что их и знакомые не могут распознать». Тот же отец Церкви под потерянной драхмой евангельской (см.: Лк. 15, 8-10) понимает душу человеческую, тот образ Царя Небесного, который не утрачен совсем, но пал в грязь, а под грязью нужно понимать плотскую нечистоту.

После грехопадения Бог не отверг человека-грешника. Он не отнял от него ни образа Своего, отличающего его от животного мира, ни свободы воли, ни разума, способного постигать духовные начала, ни многих других способностей.

Так, разум падшего человека, хотя он помрачен и расстроен грехом, не совсем утратил стремления к Богу и к Божией истине и способность принимать и понимать откровения Божии. На это указывает тот факт, что наши прародители после сделанного греха скрываются от Бога, ибо это свидетельствует об их ощущении и сознании вины перед Богом; об этом говорит и то, что они сразу же узнали Бога, как только услышали Его голос в раю; об этом свидетельствует и вся последующая жизнь Адама, вплоть до самой смерти. Это же самое справедливо и по отношению к воле и сердцу в падшем человеке: хотя и воля, и сердце были грехопадением серьезно повреждены, все-таки в первочеловеке осталось известное чувство добра (см.: Рим. 7, 18), а также способность к творению добра и выполнению основных требований морального закона (см.: Рим. 2, 14–15), ибо свобода выбора между добром и злом, отличающая человека от животных, осталось и после падения неотъемлемой собственностью человеческого естества.

Человек может чувствовать доброе и желать добра. Он по-прежнему имеет некоторую способность творить добро и раскаиваться во зле.

Через преступление падший человек уподобился неразумным животным, то есть помрачился и лишился совершенства и бесстрастия, но не лишился того естества и силы, которую получил от Преподобного Бога. Ибо он, в противном случае, стал бы неразумным и, следовательно, не-человеком; но он сохранил то естество, с которым был сотворен, а также и естественную силу, – свободной, живой и деятельной, и по естеству мог выбирать и творить добро, и избегать и отвращаться от зла.

Весь род человеческий произошел от первозданной четы. Сотворив мужа и жену, Бог дал им благословение на размножение своего рода: *И благослови их Бог, глаголя: растите и множитесь, и наполняйте землю, и господствуйте ею* (Быт. 1, 28). Это благословение и стало основой размножения человечества. Все народы, на всем земном шаре, при всем различии языка, цвета кожи, телесных и духовных дарований, являются потомками единой первозданной четы; они представляют единый по духу и телу человеческий род.

В Книге Бытия, как бы для большего утверждения этой истины, трижды повторяется повествование о происхождении всех людей от одной четы.

Первый раз бытописатель говорит об этом по изображении таинственного Божественного Совета о сотворении человека: *И сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори Его; мужа и жену сотвори их* (Быт. 1, 27). Далее дается Божие благословение на их размножение. Указание бытописателя на сотворение одного мужа и одной жены вместе с данным благословением Божиим на размножение дает понять, что первозданные муж и жена предназначались быть родоначальниками всего человечества.

Второй раз ту же истину бытописатель утверждает, когда говорит о самом образе творения мужа и жены. Здесь он указывает, что Адам был первый и единственный прародитель всех людей и ему никто не предшествовал на сотворенной земле. До Адама *человек не бяхе делати ю* (землю) (Быт. 2, 5). В качестве причины сотворения жены бытописатель указывает на то, что на земле в то время *не обретется помощник подобный ему* (Быт. 2, 20). Поэтому и сотворена первая жена, которая ясно называется прародительницей всего человеческого рода: *Нарече Адам имя жене своей жизнь, яко та мати всех живущих* (Быт. 3, 20).

Эта же истина лежит в основе возвещаемого Церковью учения о всеобщей любви, братстве и равенстве народов. Как ясно выраженная в Откровении, эта истина третий раз подтверждается созданием именно одной человеческой четы в Книге Бытия: *Сотвори Бог Адама, по образу Божию сотвори его, мужа и жену сотвори их* (Быт. 5, 1–2).

От Ноя и его сыновей, произошедших от Адама, произошло, как указывает бытописатель, все множество народов, разнообразных по племенным особенностям. Заклучая исчисление племен народов земли, Моисей говорит: *Сия племена сынов Ноевых по родом их, по языком их; от сих разсеяшася острови языков на земли по потопе* (Быт. 10, 32).

Именем *острови языков* называли отдаленные от Палестины страны, жители их составляли потомство общего предка – Адама. Род человеческий имеет свое единство в Адаме. На это первоначальное единство всего человеческого рода указывал Моисей, описывая событие смешения языков: до времени столпотворения *бе вся земля устне едины, и глас един всем* (Быт. 11, 1). Смешение языков явилось непосредственной причиной разделения племен: *оттуда разсея их Господь по лицу всея земли* (Быт. 11, 9).

Истина единства человеческого рода отражается и в других книгах Ветхого Завета. Так, в Первой книге Паралипоменон родословие ведется от Адама, как общего родоначальника (см.: 1 Пар. 1–8). В Книге Товит Товия в молитве к Богу исповедует: *Ты сотворил еси Адама и дал еси ему помощницу Еву утверждение жену его; от тех родися человеческое семя* (Тов. 8, 6).

В Новом Завете также находятся неоднократные подтверждения сказания Моисея о происхождении человечества от одного прародителя, призванного к бытию через творческое действие Божие.

...Адамов, *Божий* (Лк. 3, 38) – всю родословную Христа Спасителя святой евангелист Лука завершает словом «Божий», указывая этим, что до Адама людей не было. Сам Господь утверждает эту истину, говоря: *Несте ли чли, яко сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил я есть?* (то есть сотворил мужчину и женщину, как сказано в русском переводе) (Мф. 19, 4). Апостол Павел пишет: *Адам бо прежде создан бысть, потом же Ева* (1 Тим. 2, 13). В Деяниях апостольских также говорится, что Бог сотворил от одной крови весь человеческий род, чтобы он жил по всему лицу земному (см.: Деян. 17, 26). Таким образом, все люди происходят от одной крови, или общего корня, образуя собой внутреннее и органически нераздельное единство.

Всеобщая греховность людей связана также с тем, что человечество было поражено грехом в своих прародителях. *Сего ради якоже едином человеком грех в мир вниде и грехом смерть* (Рим. 5, 12). Как Христос – второй Адам – является родоначальником духовно возрожденного человечества, так первый Адам – генетический родоначальник для людей. Современная генетика подтверждает идею единства человеческого рода. Об этом же говорят общность и одинаковость для всех рас и племен анатомического строения тела, способность мужчин и женщин различных рас через брак производить потомство, способное к воспроизведению (чего не бывает при скрещивании даже близких видов животных, например лошади и осла: мул и лошак бесплодны); общность законов так называемой животной экономии, касающихся рождения, условий существования, возрастов и смерти, наконец, замечательная общность древних преданий о первых людях, об их блаженном состоянии, о падении и потопе.

Первородный грех имеет наследственность и всеобщность. Грех наших прародителей Адама и Евы называется **первородным**, потому что он появился в первом роде людей и потому что был первым грехом в мире человеческом. Он вызвал тяжелые и пагубные последствия для духовного и вещественного естества, а также для всей видимой природы вообще. Своим грехом прародители ввели диавола в свою жизнь и дали ему место в богозданном и богообразном естестве. Таким образом, грех стал творческим началом в их естестве, противоестественным и богоборческим, злолюбивым.

Учение о первородном грехе, распространившемся от Адама и Евы на весь род человеческий, чрезвычайно важно в христианстве. Если в людях нет первородного греха и природа их не повреждена; если они рождаются чистыми и невинными перед Богом, каким вышел из рук Творца первый человек, в таком случае искупление для них не нужно, Сын Божий напрасно приходил на землю и вкусил смерть, и христианская вера подрывается в самых основах. Поэтому-то и говорят учителя Церкви, что грех Адамов и Искупление, совершенное Христом Спасителем, суть как бы два средоточия, вокруг которых вращается все христианское учение.

В самом учении о первородном грехе Православная Церковь различает, во-первых, самый грех и, во-вторых, его последствия в нас.

Под именем первородного греха она разумеет то преступление заповеди Божией, то уклонение человеческой природы от закона Божия, и следовательно от целей своих, которое совершено нашими праотцами в раю и от них перешло на всех нас. «Первородный грех, – читаем в Православном исповедании веры, – есть преступление закона Божия, данного в раю прародителю Адаму.

Сей прародительский грех перешел от Адама во все человеческое естество, поелику все мы тогда находились в Адаме, и таким образом через одного Адама грех распространился на всех нас. Посему мы и зачинаемся и рождаемся с сим грехом».

Первородный грех не полностью тождествен в Адаме и в его потомках. Разница в том, что под прародительским грехом в самих прародителях разумеется и грех их, и вместе то греховное состояние их природы, в которое вошли они через этот грех; а в нас, их потомках, разумеется собственно одно греховное состояние нашей природы, с которым и в котором мы рождаемся. Адам сознательно, лично, непосредственно и своевольно преступил заповедь Божию, то есть сотворил грех, который произвел в нем греховное состояние, в котором царствует начало греховности. Другими словами, в первородном грехе Адама нужно различать два момента: первое – сам поступок, сам акт нарушения заповеди Божией, само преступление (*греч.* «паравасис» – см.: Рим. 5, 14), само прегрешение (*греч.* «параптома» – см.: Рим. 5, 12); само непослушание (*греч.* «паракои» – см.: Рим. 5, 19); и второе – этим созданное греховное состояние, греховность (*греч.* «амартиа» – см.: Рим. 5, 12, 14).

Потомки Адама, в строгом смысле слова, не участвовали лично, непосредственно, сознательно и своевольно в самом поступке Адама, в самом преступлении (в «параптоме», в «паракои», в «паравасисе»), но, рождаясь от падшего Адама, от его зараженного грехом естества, они в рождении принимают как неминуемое наследство греховное состояние естества, в котором обитает грех (*греч.* «амартиа»), который как некое живое начало действует и влечет к творению личных грехов, подобных греху Адама, поэтому они и подвергаются наказанию, как и Адам. Это то «семя тли», та наследственная порча природы и склонность ко греху, которую все люди получают от Адама посредством рождения. Зачатие и рождение – канал, по которому передается прародительская порча. *Се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя* (Пс. 50, 7), – восклицает Давид, а апостол Павел прямо связывает порчу человеческой природы с грехом прародителей: *Единым человеком грех в мир вниде и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, в немже вси согрешиха* (Рим. 5, 12).

На самом деле, всякий личный грех каждого потомка Адама почерпнет свою существенную, греховную силу из греха прародительского, и наследственность первородного греха – это не что иное, как продолжение падшего состояния прародителей в потомках Адамовых.

Наследственность первородного греха всеобща, ибо никто из людей не изъят из этого, кроме Господа Иисуса Христа. Всеобщую наследственность первородного греха многими и различными образами показывает Святое Откровение Ветхого и Нового Заветов. Так, оно учит, что падший, зараженный грехом Адам рождает детей *по образу своему* (Быт. 5, 3), то есть по обезображенному, поврежденному, растленному грехом образу своему. Праведный Иов указывает на прародительский грех как на источник всеобщей человеческой греховности, когда говорит: *Кто бо чист будет от скверны? Никтоже, аще и един день житие его на земли* (Иов. 14, 4–5). Пророк Давид, хотя он рожден от благочестивых родителей, жалуется: *Се бо в беззакониих* (в еврейском оригинале – *в беззакониих*) *зачат есмь, и во гресех* (в еврейском – *во грехе*) *роди мя мати моя* (Пс. 50, 7), чем указывает на зараженность грехом человеческого естества вообще и на ее передачу посредством зачатия и рождения.

Все люди, как потомки падшего Адама, подвержены греху, поэтому Святое Откровение и говорит: *Несть человек, иже не согрешит* (3 Цар. 8, 46; ср.: 2 Пар. 6, 36); *Несть человек праведен на земли, иже сотворит благое и не согрешит* (Еккл. 7, 20); *Кто похвалится чисто имети сердце? или кто дерзнет реши чиста себе быти от грехов?* (Притч. 20, 9). Сколько бы ни искали безгрешного человека, человека, который не был бы заражен греховностью и подвержен греху, Ветхозаветное Откровение утверждает, что такого человека нет: *Вси уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благое, несть до единого* (Пс. 52, 4); *Всяк человек ложь* (Пс. 115, 2) – в том смысле, что в каждом потомке Адама через зараженность грехом действует отец греха и лжи – диавол, лгущий на Бога и на богозданную тварь.

Новозаветное Откровение основывается на истине: все люди грешные, – все, кроме Господа Иисуса Христа. Происходя путем рождения от растленного грехом Адама как единого родоначальника (см.: Деян. 17, 26), все люди *под грехом, все согрешили и лишены*

славы Божией (Рим. 3, 9, 23), все по зараженному грехом естеству своему являются *чадами гнева* (Еф. 2, 3). Поэтому кто имеет, знает и чувствует новозаветную истину о греховности всех людей без исключения, тот не может сказать, что кто-либо из людей без греха: *Аще речем, яко греха не имам, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. 1, 8). Только Господь Иисус Христос без греха как Богочеловек, ибо Он рожден не путем естественного, семенного, греховного зачатия, а путем бессеменного зачатия от Девы Святой и Духа Святого. Живя в мире, который *лежит во зле* (1 Ин. 5, 19), Господь Иисус Христос *греха не сотвори, ни обретется леств во устех Его* (1 Пет. 2, 22), ибо *греха в Нем несть* (1 Ин. 3, 5). Будучи единым безгрешным среди всех людей всех времен, Спаситель мог спросить лукавых людей, которые за Ним непрестанно следили, чтобы обвинить Его во грехе, открыто спросить: *Кто от вас обличает Мя о гресе?* (Ин. 8, 46).

В Своей беседе с Никодимом Спаситель говорит, что для вхождения в Царство Божие каждому человеку необходимо возродиться водою и Духом Святым, поскольку каждый человек рожден с первородным грехом, ибо *рожденное от плоти есть плоть* (Ин. 3, 6). Здесь слово «плоть» обозначает ту греховность естества Адама, с которой каждый человек рождается на свет, которая проникает все существо человеческое и особенно проявляется в его плотских настроениях (расположениях), стремлениях и действиях. По причине этой греховности, действующей в личных грехах и через личные грехи каждого человека, каждый человек – *раб греха* (Ин. 8, 34).

Так как Адам – отец всех людей, он является и творцом всеобщей греховности всех людей, а через это – и всеобщей зараженностью смертью. Рабы греха являются в то же время и рабами смерти; наследуя от Адама греховность, они тем самым наследуют и смертность. Богоносный апостол пишет: *Посему, как одним человеком* (то есть Адамом) *грех вошел в мир, (в нем) все согрешили* (Рим. 5, 12).

Греховность человеческого естества, происходя от Адама, проявляется во всех людях без исключения как некое живое греховное начало, как некая живая греховная сила, как некая категория греха, как закон греха, живущий в человеке и действующий в нем и через него (см.: Рим. 7, 14–23). Но в этом человек участвует своей свободной волей, и эта греховность естества разветвляется и разрастается через его личные грехи.

Закон греха, таящийся в природе человеческой, воюет против закона разума и делает человека своим рабом, и человек не делает добра, которого хочет, а делает зло, которого не хочет, поступая так по причине живущего в нем греха. «В естестве человеческом пребывает смрад и чувство греха, – говорит преподобный Иоанн Дамаскин, – то есть похоть и чувственное наслаждение, называемые законом греха; а совесть составляет закон разума человеческого». Закон греха воюет против закона разума, но он не в состоянии уничтожить в человеке полностью всякое добро и сделать его неспособным для жизни в добре и ради добра. Богообразной сущностью своей души, хотя и обезображенной грехом, человек старается служить закону разума своего, то есть совести, и по внутреннему, богоустремленному, человеку он чувствует радость в законе Божиим (см.: Рим. 7, 22).

Наклонность к греху проявляется уже в раннем возрасте. Именно эта идея была развита святыми отцами Православного Востока. Так, святитель Григорий Палама, объясняя, почему Христос воплотился от Девы, а не через брак, отмечает, что Спаситель «был единственным, не зачатым в беззакониях, не во грехах чревоносим. Потому что плотское вожделение, будучи независимым от воли и явно враждебным закону духа, – хотя у целомудренных, путем силы воли, и держится в рабстве, и послабляется только в целях деторождения, – как-то от начала привносит осуждение, будучи тлением, и называется так, и рождает, конечно, для истления, и является страстным движением человека, не сознающего чести, которую наше естество прияло от Бога, но потом уподобилось животным».

В силу страстного рождения, зло входит внутрь человека, становится как бы частью его природы. Преподобный Антоний Великий отмечает: «Зло приразилось к естеству, как ржавчина – к меди и грязнота – к телу». Люди получили как бы собственный, внутренний источник греховных движений и помыслов, сделавшись *по природе чадами гнева* Божия (Еф. 2, 3). В таком падшем состоянии человека диавол получил и власть над ним. Через страсти он сделал человека своим рабом. «Преступив заповедь Божию, – отмечает святитель Афанасий Великий, – Адам вдался в греховные помышления... уловляющие нас. потому что всеял их обманом в разумной природе человека, впадшей в преступление и удалившейся от Бога, так что диавол утвердил в естестве человека закон греха и смерть, царствующую через грех». Похожую мысль высказывает и преподобный Макарий Египетский: «Так лукавый князь облек душу грехом, все естество ее, и всю ее осквернил, всю пленил в царство свое». В результате образовался синергизм (взаимодействие) воли диавола и воли человека. Однако человек все же остался свободным и после падения, хотя воля его больше склонилась к злу, чем к добру.

«Хотя воля человека, – говорится также в Православном исповедании, – и повреждена от первородного греха, но при всем том еще и теперь в воле каждого состоит быть добрым и чадом Божиим или злым и сыном диавола».

«Невозможно, – говорит святитель Григорий Нисский, – объять числом множество тех, в которых путем наследия распространилось зло; пагубное богатство порока, разделяясь каждому из них, увеличивалось каждым, и таким образом, плодородное зло переходило (передавалось) в непрерывной цепи поколений, разливаясь по множеству людей до бесконечности, пока, дойдя до конечной границы, не овладело всем человеческим естеством, как об этом ясно сказал пророк о всех вообще: *Все уклонишася, вкупе неключими быша* (Пс. 13, 3), и не было ничего в существующем, что не являлось бы орудием зла».

Поскольку все люди являются наследниками растленной грехом природы Адамовой, то все зачинаются и рождаются во грехе, ибо по естественному закону рожаемое тождественно рожающему, от поврежденного страстями рождается страстный, от грешника – грешник. Зараженная прародительской греховностью душа человеческая все более и более отдавалась злу, умножала грехи, придумывала пороки, творила себе ложных богов, и люди, не зная насыщения в злых делах, все более и более утопали в порочности и распространяли смрад своих грехов, показывая тем, что они стали ненасытимыми в прегрешениях (свт. Афанасий Великий).

«С момента нарушения заповеди Божией сатана и ангелы его воссели в сердце и в теле человеческом как на своем собственном престоле» (прп. Макарий Великий). «Нарушив заповедь Божию в раю, Адам сотворил первородный грех и грех свой перенес на всех» (свт. Василий Великий). «Преступлением Адама грех попал во всех людей; и люди, остановившись мыслью на зле, стали смертными и ими овладела испорченность, тление» (свт. Афанасий Великий). Все потомки Адама приобретают первородный грех наследственным путем через рождение от Адама по телу.

Сам способ перенесения первородного греха с предков на потомков заключен, в сущности своей, в непроницаемую тайну. По мнению учителей Церкви, нет ничего известнее учения Церкви о первородном грехе, но и ничего таинственнее для понимания. По церковному преданию, несомненно одно: наследственная греховность от Адама передается всем людям путем зачатия и рождения.

С перенесением прародительской греховности на всех потомков Адама путем рождения, на всех их в то же время переносятся и все последствия, постигшие наших прародителей после падения: обезображенность образа Божия, помрачение разума, испорченность воли, оскверненность сердца, болезни, страдания и смерть.

Церковь учит, что таинство Крещения изглаживает, уничтожает в нас первородный грех. Это значит, что оно очищает собственно греховность нашей природы, наследован-

ную нами от прародителей. Через крещение мы выходим из состояния греховного, перестаем быть естеством чадами гнева Божия, то есть виновными перед Богом, делаемся совершенно чистыми и невинными перед Ним, благодатью Духа Святого, вследствие заслуг нашего Испытателя. Однако это не значит, что крещение уничтожает в нас следствия первородного греха: удобопреклонность ко злу более, нежели к добру, болезни, смерть и др., – потому что все означенные следствия остаются, как свидетельствует опыт и слово Божие (см.: Рим. 7, 23) и в людях возрожденных.

Все люди, будучи потомками Адама, наследуют от Адама богообразность души, но богообразность помраченную и обезображенную греховностью. Вся душа человеческая вообще пропитана прародительской греховностью. «Лукавый князь тьмы, – говорит преподобный Макарий Великий, – еще в начале поработил человека и всю душу его облек грехом, все ее существо и всю ее осквернил, всю ее поработил, не оставил в ней свободной от своей власти ни одну ее часть, ни мысли, ни разум, ни тело. Вся душа пострадала от страсти порока и греха, ибо лукавый всю душу облек в свое зло, то есть в грех».

«Существует некая скрытая нечистота и некая преизобилующая тьма страсти, которая через преступление Адама проникла все человечество; и она помрачает и оскверняет и тело, и душу» (прп. Макарий Великий). Поскольку люди унаследовали греховность Адама, из их сердца течет «мутный поток греха» (свт. Григорий Богослов). «Как Адам, преступив заповедь Божию, принял в себя закваску злых страстей, так весь род человеческий, рождаясь от Адама, путем участия стал общником этой закваски; и постепенным разрастанием в людях так умножились греховные страсти, что все человечество вскисло злом» (прп. Макарий Великий).

Чувствуя немощное барахтание каждого человека в отдельности и всех людей вместе в бездне греховности, православный с рыданием молится: «В бездне греховней валялся, неизследную милосердия Твоего призываю бездну: от тли, Боже, мя возведи» (Канон из Последования ко Святому Причащению. Песнь 6). Но хотя в людях изуродован и помрачен образ Божий, представляющий собой целостность души, он все-таки не уничтожен в них, ибо с его уничтожением было бы уничтожено то, что человека делает человеком, а это значит: был бы уничтожен человек как таковой. Образ Божий и далее составляет главную драгоценность в людях (см.: Быт. 9, 6) и частично проявляет свои главные особенности (см.: Быт. 9, 1–2).

Господь Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы вновь сотворить образ Божий в падшем человеке, а для того, чтобы его обновить – «да Свой паки обновит образ, истлевший страстями» (Чинопоследование всенощного бдения); Да обновит «растлевшее грехом естество наше» (Последование ко Святому Причащению). И во грехах человек все-таки – образ Божий (см.: 1 Кор. 11, 7): «Образ есмь неизреченныя Твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений» (Тропари на отпевании). Новозаветное Домостроительство спасения предоставляет как раз падшему человеку все средства для того, чтобы он с помощью благодатных подвигов преобразил себя, обновил образ Божий в себе (см.: 2 Кор. 3, 18) и стал христообразным (см.: Рим. 8, 29; Кол. 3, 10).

С обезображиванием и помрачением души человеческой как единого целого обезображен и помрачен разум человеческий во всех потомках Адамовых. Это помрачение разума проявляется в его медлительности, ослеплении и неспособности принять, усвоить и постичь духовные вещи, так что мы *едва понимаем, яже на земли, и яже в руках обрезаем со трудом, а яже на небесех – кто изследи?* (Прем. 9, 16). Греховный, телесный человек не принимает того, что от Духа Божия, ибо ему это кажется безумием и он не может того разуметь (см.: 1 Кор. 2, 14). Отсюда – неведение Истинного Бога и духовных ценностей, отсюда – заблуждения, предрассудки, неверие, суеверие, язычество (букв., «незнание Бога». – *Ред.*), многобожие, безбожие. Но это помрачение разума, эту его обезумленность грехом нельзя представлять как полное уничтожение умственной способности человека к постижению духовных вещей; апостол учит, что разум человеческий, хотя он и пребывает во мраке и мгле первород-

ного греха, все-таки обладает способностями частично познать Бога и принимать Его откровения (см.: Рим. 1, 19–20).

Как следствие первородного греха, в потомках Адама появляются испорченность, расслабленность **воли** и еще большая склонность ко злу, нежели к добру. Самолюбие стало главным рычагом их деятельности. Оно оковало их богообразную свободу и сделало их рабами греха (см.: Ин. 8, 34; Рим. 5, 21). Но в воле человека все же не уничтожена полностью склонность к добру: человек сознает добро, желает его, а растленная грехом воля влечет ко злу и творит зло: *Не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сие содеваю* (Рим. 7, 19); «неудержанное стремление к злу влечет мя, действием врага, и обычаем лукавым» (Канон Пресвятой Богородице. Песнь 4). Это греховное стремление ко злу путем навыка стало в историческом процессе неким законом человеческой деятельности: *Обретаю убо закон, хотящу ми творити доброе, яко мне злое прележит* (Рим. 7, 21). Но люди ни в коем случае не являются слепым орудием греха, зла, дьявола, в них всегда живет свободная воля, которая, несмотря на всю зараженность грехом, все-таки действует свободно, может и желать добра, и творить его.

Как уже отмечалось, нечистота, оскверненность сердца является общим уделом всех потомков Адама. Она проявляется как нечувствие духовных вещей и как погруженность в неразумные стремления и страстные желания. Усыпленное грехолюбием сердце человеческое тяжело пробуждается к вечной реальности святых истин Божиих: «Сон греховный тяготит сердце» (Канон святому Иоанну Предтече. Песнь 6). Зараженное исконной греховностью сердце является мастерской злых мыслей, злых желаний, злых чувств, злых дел. Спаситель учит: *От сердца бо исходят помышления злая, убийства, прелюбодения, любодения, татьбы, лжесвидетельства, хулы* (Мф. 15, 19). Но *глубоко сердце (человеку) паче всех* (Иер. 17, 9), так что и в греховном состоянии оно сохранило силу *соуслаждатися закону Божию* (см.: Рим. 7, 22).

Именно через преступление Адама мы все подверглись смерти.

Смерть – это удел всех потомков Адама, ибо они рождаются от Адама, зараженного грехом и поэтому смертного. Как из зараженного источника естественно течет зараженный поток, так от родоначальника, зараженного грехом и смертью, естественно проистекает потомство, зараженное грехом и смертью. И смерть Адама, и смерть его потомков является двойкой: телесной и духовной. Телесная смерть – это когда тело лишается оживляющей его души, а духовная – когда душа лишается благодати Божией, оживляющей ее высшей, духовной, богоустремленной жизнью, а по словам святого пророка, *душа же согрешающая, та умрет* (Иез. 18, 20).

Смерть имеет своих предтеч – болезни и страдания. Тело, расслабленное наследственной и личной греховностью стало тленным, и «смерть тленностью царствует над всеми людьми» (свт. Афанасий Великий). Грехолюбивое тело предалось греховности, проявляющейся в неестественном преобладании тела над душой, вследствие чего тело часто представляет собой подобие великого бремени для души и помеху для ее богонаправленной деятельности. *Тело бо тленное отягощает душу, и земное жилище обременяет ум многопечителен* (Прем. 9, 15). Как следствие греховности Адама, в его потомках появились пагубный раскол и раздор, борьба и вражда между душой и телом: *Плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хотите, сия творите* (Гал. 5, 17).

Восточные отцы не отрицали, что мы несем наказание за преступление Адама, хотя и не так, как за свои личные грехи. Это наказание состоит, во-первых, в том, что все люди, рождающиеся через брак, подлежат закону смерти. Апостол Павел пишет, что *царствова смерть от Адама даже до Моисея и над несогрешившими по подобию преступления Адамова* (Рим. 5, 14). Изъясняя этот текст, святитель Феофан Затворник отмечает, что не личные грехи каждого человека, а первоначальный грех Адама явился причиной смерти. Хотя среди потомков Адама были и особенно развращенные грешники (например, допотопные исполины, жители Содомы),

преступления которых наказывались смертью, но это было, как пишет святитель, «не первоначальное... присуждение смерти, а только ускорение срока смерти, уже присужденной всем».

Первородный грех является наказанием еще и потому, что получивший испорченную природу человек не может войти в Царство Небесное (см.: Ин. 3, 5). Даже невинные младенцы подлежат этому наказанию, хотя они, как не имеющие личных грехов, избавлены от вечных мучений. Карфагенский Собор 418 года провозгласил анафему тем, кто отвергает необходимость крещения младенцев, и подчеркнул, что они, не имея личных грехов, все-таки крестятся «истинно во отпущение грехов» (Правило 124), то есть «первородный грех» или «прародительская скверна» в данном случае по своему результату приравниваются к преступлению закона Божия, поскольку в силу плотского рождения всякий человек уже подлежит наказанию – лишается Царства Небесного.

Таким образом, первородный грех вменяется двояко – всякий человек, обладающий природой падшего Адама, подлежит смерти и лишается Царства Небесного. Эта печальная реальность кажется многим несправедливой – почему из-за преступления одного человека, Адама, страдают его невинные потомки? В оправдание этой кажущейся несправедливости некоторые святые отцы указывают на общий закон природы, согласно которому от подобного всегда происходит подобное: от подверженного страстям рождается страстный, от грешника – грешник. Наиболее глубокое решение этого вопроса дает апостол Павел, который пишет: *Якоже бо ослушанием единого человека грешни быша мнози, сице и послушанием единого праведни будут мнози* (Рим. 5, 19).

Апостол не отвечает прямо на вопрос – справедливо или несправедливо то, что невинные люди страдают за преступление Адама. Он обращает внимание на другое. Христос Своим искупительным подвигом устранил всякий повод к недовольству. Чтобы достичь великой цели Промысла, нужно было спасти человека, спасти от тяжкого закона рождения с его последствиями, страстностью и тлением. Естественными средствами сделать это было невозможно.

Совершить спасение человека смог только Бог. Лишь сообщение человечеству Божественной благодати, преобладающей осуждению и немощи естества, могло даровать человеку спасение. Этот новый поток Божественной силы, как подчеркивает апостол Павел, вошел и распространился в человечестве таким же путем, каким тление и смерть перешли от первого Адама. Как ветхий Адам, уклонившись от своего назначения, распространил на всех потомков плотское рождение, грех и тление, так Новый Адам, осуществив все, чего не достиг праотец, стал родоначальником нового человечества и распространил на него силу духовного безгрешного рождения, освободил его от греха, избавил от тления и приводит к конечной цели Промысла – обожению.

Использованная литература

1. БИБЛИЯ на церковнославянском языке. – М., Сибирская Благовозвонница, 2006.
2. БИБЛИЯ. – М., Издательство Московской Патриархии. 2011.
3. *Св. Иринея Лионский*. Творения. / Пер. П. Преображенского. – [СПб., 1900], Н. Сагарды [СПб., 1907]. (Серия «Библиотека отцов и учителей Церкви». II); М., Благовест, 1996. – 640 с.
4. *Святитель Иоанн Златоуст*. Беседы на Книгу Бытия / Полн. собр. соч. свт. Иоанна Златоуста в 12 т. Т. IV. Кн. 1. – М.: Златоуст, 1994.
5. *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Аскетические опыты. Т.1. – М.: Сибирская Благовозвонница, 2010.
6. *Архимандрит Алтай (Кастальский-Бороздин); архимандрит Исаия (Белов)*. Догматическое богословие. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998.
7. *Преподобный Макарий Египетский*. Духовные беседы. Беседы 1-10. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
8. *Святитель Василий Великий*. Беседы. Беседа 9. О том, что Бог не виновник зла. В кн.: Василий Великий. Творения в 2-х томах. 2009. – М., Сибирская Благовозвонница, 2009.
9. Творения святителя Кирилла, епископа Александрийского. Толкования на Евангелие от Иоанна. – М.: Сибирская Благовозвонница, 2011.
10. *Преподобный Иустин (Попович)*. Православная философия истины: Статьи. – Пермь: ПО «Панагия», 2003. Пер. с сербского: иеромонах Анфим (Свято-Троицкая Сергиева Лавра).
11. Творения преподобного Иоанна Дамаскина / Пер. с греч. и коммент. Д. Афиногенова, А. Бронзова, А. Сагарды, Н. Сагарды. – М.: Индрик, 2002. – 416 с. – (Святоотеческое наследие. Т. 5).

При составлении книги использованы материалы сайта orthodoxia.narod.ru